

УДК 343.14

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-118-123

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве

Сергей Борисович Россинский

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии¹, профессор кафедры управления органами расследования преступлений², ✉ s.rossinskiy@gmail.com

Наталья Сергеевна Расулова

кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса³, ✉ rasulovanatalya@mail.ru

¹ Институт государства и права Российской академии наук (Москва, Россия)

² Академия управления МВД России (Москва, Россия)

³ Уральский юридический институт МВД России (Екатеринбург, Россия)

Стремительно развивающаяся преступность легко адаптируется к новым разработкам науки и техники, в результате чего происходит закономерная трансформация характера и структуры традиционных способов совершения преступлений и их видов. В таких реалиях в современной следственной и судебной практике все чаще возникают непростые вопросы в области юриспруденции (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и иные), для разрешения которых судье, следователю, дознавателю, органу дознания недостаточно собственных знаний, профессионального либо жизненного опыта. Восполнить пробелы в собственном понимании субъектом доказывания нетипичных, нестандартных обстоятельств по уголовному делу помогут средства доказывания, выполняющие справочно-вспомогательную роль, нередко связанные с консультацией узко-профильных специалистов, обладающих специальными знаниями в области науки, техники, искусства либо ремесла. Авторы обосновывают значимость в уголовно-процессуальном доказывании особых информационных ресурсов, которые не устанавливают новые обстоятельства, но способствуют формированию правовых позиций и надлежащему обоснованию приговоров либо иных решений органов предварительного расследования и суда [1, с. 54–55].

Ключевые слова: доказательства, заключение специалиста, оценка доказательств, показания специалиста, проверка доказательств, специальные знания, средства доказывания

Для цитирования: Россинский С. Б., Расулова Н. С. Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 118–123.

Reference Supplementary Means of Proving in Criminal Proceedings

Sergey B. Rossinsky

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, chief researcher of the section of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology¹, Professor at the chair of Management of Investigative Bodies², ✉ s.rossinskiy@gmail.com

Natalya S. Rasulova

Candidate of Science (in Law), chief of the chair of Criminal Procedure³, ✉ rasulovanatalya@mail.ru

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia)

² the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

³ the Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Yekaterinburg, Russia)

Increasingly developing crimes easily adapt to inventions in science and technologies, which leads to logical transformation of the character and structure of traditional ways of committing crimes and their types. Under these conditions the modern investigative and judicial practice frequently deals with difficult questions in the field of jurisprudence both related to criminal law, criminal procedure and others to solve which the knowledge, professional or life experience of a judge, an investigator, an interrogator, inquiry body is insufficient. To help the subject of proving to complete the gaps in own understanding of typical, non-standard circumstances of a criminal case it is necessary to apply to means of proving of reference supplementary character, which frequently can be consultation of a specialist in a narrow field who possesses special knowledge in the areas of science, technologies, art or a trade. The authors substantiate that peculiar informational resources, which do not establish new circumstances but rather form

legal positions and appropriate foundation of sentences or other decisions made by preliminary investigative bodies and the court, are essential for criminal procedural proving [1, с. 54–55].

Keywords: proofs, specialist's assessment, assessment of proofs, specialist's testimony, verifying the proof, special knowledge, means of proving

Citation: Rossinsky S. B., Rasulova N. S. Reference Supplementary Means of Proving in Criminal Proceedings. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 118–123 (In Russ.).

Различные аспекты уголовно-процессуального доказывания всегда были актуальны, привлекали внимание ученых и вызывали бурные споры и дискуссии. Особое место среди них традиционно занимали и продолжают занимать вопросы, связанные с так называемыми средствами доказывания, т. е. предусмотренными законом либо вытекающими из его смысла полезными активами, позволяющими дознавателю, следователю, суду устанавливать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства и обосновывать правоприменительные решения, а сторонам — пытаться влиять на характер и содержание таких решений¹. Причем в подавляющем количестве научных публикаций совокупность подобных средств обычно ограничивается самими доказательствами, т. е. информационными активами, прямо предусмотренными ч. 2 ст. 74 УПК РФ (в более ранних публикациях — соответствующими положениями советского уголовно-процессуального законодательства) [2, с. 6; 3, с. 290; 4, с. 212–213].

Согласиться с таким подходом достаточно сложно. Доказательства — действительно основные, в определенном смысле важнейшие, вне всяких сомнений, наиболее известные средства уголовно-процессуального доказывания. По всей вероятности, именно поэтому они и являются объектом столь пристального внимания ученых, а связанные с ними доктринальные, нормативно-правовые и практические проблемы — предметом многочисленных научных исследований и хорошей почвой для полемики. Однако подобная популярность доказательств вовсе не подразумевает их исключительности, их единственности для использования в качестве средств доказывания, поскольку по своей сути уголовно-процессуальные доказательства являются не более чем «следовыми» средствами доказывания. Они представляют собой информационные продукты, предопределенные следами-отображениями окружающей реальности (следами в широком смысле), т. е. материальными или идеальными объектами ретроспективного познания. Тогда как современное уголовно-процессуальное законодательство дозво-

ляет, а иногда и прямо предписывает использовать для аргументации позиций сторон и обоснования правоприменительных решений принципиально другие, «неследовые» средства, обязанные своим возникновением не столько способности материи к отражению, сколько другим причинам. В частности, предусматривается возможность прибегать к помощи формальных средств доказывания: презумпций, преюдиций, ноторных фактов и т. д. — неких полезных ресурсов, не возникающих в ходе восприятия и фиксации следов-отображений (следов в широком смысле), а «принимаемых на веру», т. е. приобретающих юридическую силу и способность к использованию в правоприменительной практике на основании общепризнанности, неоспоримости и (или) прямого указания в законе [5, с. 43–46]. Кроме того, не стоит игнорировать и потенциал так называемых субъективных средств доказывания: общеизвестных и юридических познаний, правосознания, правопонимания, правовой культуры, профессионального и жизненного опыта.

Все указанные средства в своей совокупности представляются вполне достаточным «строительным материалом» для решения подавляющего большинства возникающих в правоприменительной практике вопросов. При умелом и рациональном «распоряжении» они позволяют установить или формально признать установленными те или иные обстоятельства, необходимые для аргументации позиций сторон и обоснования приговоров либо иных процессуальных актов.

Вместе с тем их потенциал рассчитан на преимущественно стандартные, типичные, не представляющие особой сложности уголовные дела, связанные с установлением юридических фактов и других обстоятельств, вполне предрасположенных к надлежащему пониманию субъектами доказывания. Тогда как на сегодняшний день в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства нередко возникают неординарные либо весьма сложные уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и другие вопросы, явно выходящие за пределы ком-

¹ Авторы настоящей статьи придерживаются узкого доктринального подхода к пониманию средств доказывания. Вместе с тем в некоторых публикациях используется иной, широкий подход, предполагающий понимание средств доказывания как двух взаимосвязанных, но тем не менее относительно самостоятельных групп объектов уголовно-процессуального регулирования: а) доказательств и (или) их источников; б) процессуальных приемов, связанных с их накоплением (собираением), исследованием и проверкой.

петентности профессиональных служителей уголовной юстиции и тем более невластных участников уголовного судопроизводства. Для успешного разрешения подобных вопросов требуются дополнительные ресурсы, как бы вспомогательные аргументы, доводы, силлогистические посылки, способствующие умственной обработке накопленного материала, главным образом должной оценке относимости, допустимости, достоверности отдельных доказательств и надлежащему пониманию вытекающих из них юридических фактов.

Как правило, такие ресурсы связаны со специфическими, узкопрофильными познаниями в различных сферах жизнедеятельности, выходящими за предмет общих и профессиональных компетенций, присущих судьям, прокурорам, следователям, дознавателям, адвокатам. В первую очередь к ним относятся специальные знания, под которыми в сфере уголовно-процессуального регулирования принято понимать любые знания, умения, навыки в области науки, техники, искусства либо ремесла, приобретенные посредством получения высшего (иного) образования в соответствующей отрасли и (или) практической деятельности по определенной специальности [2, с. 49; 6, с. 46; 7, с. 6; 8, с. 7].

Так, в ходе апелляционного рассмотрения уголовного дела по факту присвоения и растраты бюджетных средств, выделенных на ремонт и благоустройство береговых укреплений одного из водохранилищ (ч. 4 ст. 160 УК РФ), сторона защиты обратила внимание на неполноту, научную и методическую необоснованность имеющегося заключения судебной строительно-технической экспертизы, выявившей несоответствие степени морозостойкости фактически использованного подрядчиком камня требованиям проектной документации и сведениям, зафиксированным в отчетных материалах. Для подробного разъяснения указанных вопросов был приглашен известный специалист в области строительства и ремонта береговых укреплений водоемов, который в своем письменном заключении и последующих устных показаниях в понятных для суда формулировках подтвердил возникшие сомнения в доброкачественности результатов экспертных исследований. Высказанные им доводы и аргументы позволили суду критически оценить приобщенное к материалам уголовного дела экспертное заключение, в связи с чем предопределили частичное изменение ранее постановленного обвинительного приговора².

Однако реалии современной практики расследования и судебного разбирательства уголовных дел, связанные с периодически возникающей потребно-

стью погружаться в особые сферы правового регулирования, приводят к необходимости условного отнесения к специальным и некоторым специфическим знаниям в области права, которыми ввиду понятных причин недостаточно владеют профессиональные служители юстиции. Таковыми, в частности, являются знания в области нормативно-правового регулирования пожарной, транспортной и экологической безопасности, бухгалтерского и налогового учета, строительства, различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, медицины и т. п. [9, с. 124–127; 10, с. 14]. Будучи фрагментами юридической материи, подобные знания приобретают способность к продуктивному использованию только в умелых руках компетентных в соответствующих вопросах специалистов. И в связи с этим Ю. К. Орлов справедливо наделял связанные с ними положения законов и подзаконных нормативных правовых актов дуалистическим характером, с одной стороны, понимая под ними юридические предписания, а с другой — оценивая их как рассчитанные лишь на прошедших специальную подготовку и обладающих определенными знаниями, умениями, навыками субъектов [11, с. 16]. Например, по уголовному делу в отношении группы лиц, обвиненных в уклонении от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией, в особо крупном размере (ч. 2 ст. 199 УК РФ), в судебное заседание в качестве специалиста был приглашен доцент кафедры финансового и налогового права одного из юридических вузов. Его пояснения позволили суду правильно установить степень виновности каждого из подсудимых, а также исключить из обвинения некоторые ранее инкриминированные органами предварительного следствия эпизоды преступной деятельности³.

Наряду с обращениями к обладателям специальных знаний в современной практике периодически возникают сложные ситуации, обуславливающие необходимость прибегнуть к помощи узкопрофильных юристов-международников, специалистов в области зарубежного законодательства или утративших силу нормативных актов. Встречаются и случаи, требующие фундаментальной эрудиции в уголовном, гражданском, административном, трудовом и других традиционных отраслях российского права, по крайней мере, более глубоких знаний, по сравнению с теми, которыми надлежит обладать среднестатистическим судьям, прокурорам, следователям, дознавателям, адвокатам. Например, давая юридическую оценку установленным в ходе судебного заседания обстоятельствам получения взятки, судья одного из районных судов воспользовался полученными по инициативе защитника письменными разъяснениями (так

² Уголовное дело № 1-198/2010 // Архив Кировского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области. 2010 г.

³ Уголовное дело № 1-445/2013 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области. 2013 г.

называемым научно-консультативным заключением) профессора кафедры уголовного права одного из ведущих юридических вузов, признанного и авторитетного специалиста в области должностных, в частности коррупционных, преступлений⁴.

Предопределенные всеми подобными узкопрофильными познаниями вспомогательные ресурсы также предназначены для использования в процессе осмысления накопленного доказательственного материала и могут учитываться при аргументации позиций сторон и обосновании приговоров либо иных правоприменительных решений. Таким образом, они тоже выполняют роль своеобразных средств уголовно-процессуального доказывания.

Вместе с тем указанные активы нельзя отождествить с собственными знаниями дознавателей, следователей, прокуроров, судей, невластных участников, с их правопониманием, правовой культурой, опытом и прочими субъективными средствами доказывания. Это принципиально иные ресурсы, подлежащие использованию в совершенно другом качестве.

Во-первых, они предполагают не «внутренний», а именно «внешний» источник происхождения — поступают в распоряжение субъектов доказывания как бы извне, т. е. передаются другими лицами в связи с производством по конкретному уголовному делу посредством устных сообщений или письменных документов, часто дополненных наглядным материалом. Этим подобные ресурсы напоминают классические доказательства, также основанные на восприятии «внешних» объектов ретроспективного познания — материальных или идеальных следов отображений, не являющихся плодом воображения дознавателя, следователя, судьи или представителей сторон, а возникающих или изменяющихся под воздействием различных фрагментов объективной реальности. Видимо, такое сходство и стало основной причиной совершенно неразумного правотворческого решения, предопределившего возможность использования заключения специалиста и показаний специалиста не как вспомогательных аргументационных ресурсов, а именно как полноценных «следовых» доказательств. Вполне вероятно, что, намереваясь формально ввести указанные средства доказывания в систему уголовно-процессуального регулирования, осознавая «внешний» источник их происхождения, но при этом не понимая подлинного предназначения уготовливаемой им роли, авторы соответствующего законопроекта достаточно легкомысленно определили эти ресурсы как доказательства, дополнив ч. 2 ст. 74 УПК РФ еще одним пунктом, а ст. 80 УПК РФ — двумя новыми частями. Вместе с тем правоприменительная практика все расставила

на свои места: за некоторыми исключениями, обусловленными непоследовательностью и бессистемностью правотворческих шагов (например, появлением достаточно странной нормы, предусмотренной п. 3 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ), и показания, и заключения специалиста стали преимущественно использоваться как средства, способствующие не столько установлению каких-либо новых обстоятельств, сколько надлежащей оценке информационных активов, в первую очередь доброкачественности результатов проводимых судебных экспертиз.

Во-вторых, подобные средства доказывания имеют не основное, а сугубо вспомогательное предназначение. Их использование ограничивается достаточно сложными ситуациями, связанными с затруднениями в должном понимании и (или) оценке судьей, следователем, другими субъектами доказывания каких-либо специфических обстоятельств, попавших в предмет познания по уголовному делу. Как раз в этом и состоит их коренное отличие от показаний, экспертных заключений, вещественных и прочих доказательств как основных, т. е. подлежащих обязательному использованию средств уголовно-процессуального доказывания. Например, заключение специалиста, помимо прочего, отличается от заключения эксперта предрасположенностью к использованию только в особых ситуациях, связанных с изначальным непониманием или недопониманием правоприменителями и (или) представителями сторон каких-либо вопросов из области специальных знаний. В таких случаях, справедливо подмечает В. И. Зажицкий, недостающие знания могут быть восполнены субъектами доказывания и самостоятельно, посредством изучения справочной литературы и других источников. Вместе с тем, продолжает автор, «блуждать в безбрежном море информации им просто некогда», что вынуждает обращаться за содействием к профильным специалистам [12, с. 383]. Сходные позиции можно встретить и в других публикациях [13, с. 200; 14, с. 16]. Тогда как заключению эксперта в процессе доказывания, напротив, уготована не просто основная, а безальтернативная роль. Исходя из смысла закона, результаты экспертного исследования предполагают выводной характер, поэтому не могут быть заменены никакими другими средствами доказывания, за исключением все того же странного дозволения, вытекающего из п. 3 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ. А в предусмотренных ст. 196 УПК РФ случаях назначение судебной экспертизы из дискреционного полномочия переходит в разряд императивного предписания.

И наконец, в-третьих, подобные информационные активы не предопределяются обнаружением,

⁴ Уголовное дело № 1-319/2016 // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области. 2016 г.

восприятием и фиксацией материальных или идеальных следов-отображений (следов в широком смысле), т. е. объектов ретроспективного познания, возникающих или изменяющихся под влиянием различных фрагментов окружающей реальности. Они появляются в результате консультационной деятельности сведущего лица, некоего «уголовно-процессуального консалтинга». Другими словами, они тоже являются «неследовыми» средствами доказывания [1, с. 53, 74], при этом играя сугубо справочную роль⁵ [15, с. 141]. Например, консультационный характер заключения и показаний специалиста прямо вытекает из смысла закона: в соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист привлекается к участию в уголовном деле, в том числе для разъяснения суду и сторонам вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Тогда как заключение эксперта, показания эксперта и прочие доказательства, напротив, предполагают «следовой» характер, т. е. их познавательная ценность обуславливается возможностью изучения материальных или идеальных следов-отображений.

Ввиду своего справочного предназначения заключение специалиста, показания специалиста и тому подобные ресурсы в определенной степени напоминают ноторные факты. Разница заключается лишь в том, что последним не присущ вспомогательный характер — они подлежат самостоятельному установлению дознавателем, следователем, судом, представителями сторон и не требуют обращения за помощью к другим, в том числе сведущим, лицам.

Рассмотренные результаты «уголовно-процессуального консалтинга» разумно именовать *справочно-вспомогательными средствами доказывания*.

К ним надлежит относить *сообщаемые сведущими в определенных узкопрофильных областях зна-*

ний лицами сведения, которые, восполняя пробелы в собственном понимании субъектами доказывания каких-либо специфических обстоятельств, появившихся в предмет познания по уголовному делу, определяют возможность получения вспомогательных аргументов, доводов, силлогистических посылок, способствующих правильной оценке отдельных доказательств, уяснению вытекающих из них фактов, надлежащему осмыслению накопленного доказательственного материала, т. е. содействующих сторонам в аргументации своих позиций, а дознавателю, следователю и суду — в обосновании правоприменительных актов [1, с. 54–55].

В настоящее время к справочно-вспомогательным средствам уголовно-процессуального доказывания обоснованно можно отнести: а) заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ); б) показания специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ); в) научно-консультативные и тому подобные правовые заключения, обусловленные возникшей у субъекта доказывания сложностью в уяснении какого-либо аспекта, связанного как с исследуемыми обстоятельствами уголовного дела, так и с любой отраслью российского и зарубежного права [1, с. 55]; г) «уголовно-процессуальный консалтинг» в виде устных консультаций специалиста, к которому могут прибегнуть не только властные участники уголовного судопроизводства, но и иные, вовлеченные в процесс доказывания как со стороны защиты, так и со стороны обвинения (защитник, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, частный обвинитель и др). Подобные консультации условно можно назвать непроцессуальной консультацией специалиста, поскольку проводятся они вне процессуальной формы и вне установленного УПК РФ правового режима.

Список литературы

1. Расулова Н. С., Россинский С. Б. Заключение специалиста как справочно-вспомогательное средство доказывания в уголовном судопроизводстве : монография. М., 2023.
2. Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. М., 1967.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973.
5. Смирнов А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2019.
6. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.
7. Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях. М., 2011.
8. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2014.
9. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964.
10. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2016.
11. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005.

⁵ В связи с этим весьма примечательно, что еще дореволюционные ученые иногда называли сведущих лиц не иначе как справочными свидетелями.

12. *Зажицкий В. И.* Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб., 2015.
13. *Уголовный процесс* : учебник / под ред. В. П. Божьева. 4-е изд. М., 2004.
14. *Рябинина Т. К., Пашутина О. С.* Допрос специалиста и истребование его заключения в уголовном судопроизводстве России: проблемы и пути их разрешения // *Мировой судья*. 2011. № 10.
15. *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.